

сивного повиновения. Крестьяне давно получили все, что могли, а герои пролетарского переворота, рабочие, все потеряли, кроме казенной пенсии, которая заменяет рабочую плату, но реальное значение которой быстро падает с падением цены бумажных денег и расстройством продовольственного аппарата.

IV) *Нейтралитет привилегированных групп*, извлекавших пользу из большевистского режима, *возрастает*. Прежде всего, сама «коммунистическая» партия оказалась настолько переполненной некоммунистическими элементами, что только что большевикам пришлось произвести строгую перерегистрацию, видимо сократившую численность партии (вчетверо, если судить по цифре Уэльса). Красная армия, в массе, решительно не хочет воевать, переживая то же настроение, как русский фронт в 1916–1917 гг. А кадры армии живут только грабежом населения, — источник которой теперь уже почти иссяк. Большевистское чиновничество и новая буржуазия готовы перейти ко всякому более прочному режиму, который согласится их взять.

Я даю лишь сжатые выводы. Но материал, на котором они основаны, слишком известен всем, следившим за эволюцией большевизма. Не думаю, чтобы выводы эти могли быть опровергнуты даже теми, к кому они относятся.

Что делать после Крымской катастрофы?

(Извлечение из доклада П. Н. Милюкова,
принятое парижской группой партии народной свободы
27 декабря 1920 г.)

Борьба против большевиков не может кончиться с поражением русских национальных армий и с потерей русской территории. Она должна будет продолжаться до освобождения России от большевистского гнета. Примирения с большевизмом быть не может. Все это совершенно очевидные истины.

Но столь же очевидно и то, что борьба с большевизмом не может продолжаться в прежних формах. Уже одна перемена обстановки борьбы диктует коренной пересмотр тактики. Из прежних национально-русских военных центров борьба переходит, по необходимости, отчасти за границу, отчасти во внутренность России. И на место групп партий, стоявших наиболее близко к месту борьбы, приспособивших свою тактику к местным условиям, выдвигаются, с одной стороны, заграничные центры партии,

с другой — те элементы внутри страны, за которыми пойдут обездоленные большевиками рабочие и крестьянские массы.

Парижская группа партии до последней минуты поддерживала тактику вооруженной борьбы национальных армий на антибольшевистских фронтах. Однако уже довольно давно для нее выяснились те недостатки в руководстве этой борьбой, которые постоянно повторялись, несмотря на смену военных вождей, и роковым образом приводили всякий раз к одной и той же печальной развязке.

Конечно, не одними этими недостатками объясняется поражение наших национальных армий. Громадное значение имели тут ошибочная политика наших союзников и внутренние процессы у самих большевиков. Но, оставаясь в круге явлений, на который возможно было непосредственное воздействие вождей национальной борьбы, и из которого косвенно можно было ослабить вредное действие и двух указанных причин — парижская группа уже в своей резолюции 20-го мая 1920 г. объясняла неудачу ген. Деникина тем, что, помимо промахов военного командования, тут совершены были четыре роковые политические ошибки. Попытка перерешить аграрный вопрос в интересах помещного класса оттолкнула крестьянство. Возвращение старого состава и старых злоупотреблений военно-чиновной бюрократии оттолкнуло остальные элементы местного населения и местную интеллигенцию. Узконационалистические традиции в решении национальных вопросов оттолкнули боровшихся с большевизмом окраинные народности. Преобладание военных, а отчасти и частных интересов, помешало вовремя восстановить правильное течение экономической жизни.

Парижская группа, однако, не спешила сделать отсюда вывод, что вооруженная борьба фатально обречена на неудачу и должна немедленно прекратиться. Группа лишь настойчиво подчеркнула, что для успеха новых попыток необходимо радикальное решение аграрного вопроса, привлечение к сотрудничеству местных элементов, пользующихся доверием местного населения, привлечение всех живых сил к экономической деятельности и заключение добровольных соглашений со стремящимися к самостоятельности народностями на основе федеративного строя. Соблюдение этих условий, как казалось группе, может парализовать те опасные навыки старого правящего строя, которые оттолкнули от армии симпатии местного населения и общественного мнения Европы и Америки.

Новое правительство генерала Врангеля на первых парах, действительно, как казалось, создало вред перечисленных ошибок Деникинской эпохи. Демонстративно, для Европы, была объявлена «левая политика», совпадавшая с желанием парижской группы

партии народной свободы. Но внутри страны, еще исключительнее, чем прежде, был сохранен старый правительственный персонал. На видные места были поставлены известные деятели старого порядка, и провозглашен принцип делания «левой политики правыми руками». Несмотря на прочность этого последнего периода фронтовой борьбы, последствия возрождения этой старой тактики уже начинали сказываться. Они, вероятно, снова бы проявились бы в полной мере, если бы политика союзников, толкнувших Польшу на мир с большевиками, не положила предела военным успехам преобразованной ген. Врангелем армии. Памятником отношения парижской группы к внутренней политике правительства ген. Врангеля остается письмо группы к ген. Врангелю, не отосланное по случайным причинам.

Мы остановились на возражениях группы против внутренней политики ген. Деникина и Врангеля главным образом потому, что в этих возражениях уже заключаются зародыши той новой тактики, которая теперь, после крушения фронтовой вооруженной борьбы, приходит ей на смену. Неудача фронтовой борьбы есть, в весьма значительной степени, неудача того социального слоя, который взял в свои руки руководство борьбой и, сознательно или бессознательно, придавал ей определенную политическую окраску. Привычки и методы старого правящего класса должны быть заменены теперь методами новой демократической России.

Довольно естественно, что на первых порах эта смена должна встретить известное психическое противодействие. В первые дни после Крымской катастрофы вообще еще не вполне сознавалось, как глубоко окажутся ее последствия и как сильно изменилась с оставлением Крыма вся обстановка борьбы. С каждым днем, однако же, эти изменения становятся все более ясными.

У нас больше нет территории. Не может быть и тех форм власти, которые неразрывно были связаны с периодом фронтовой борьбы — и даже для нее оказались непригодными. Последняя из национальных армий, геройски защищавшая до конца идеал русского возрождения, положившая половину своей активной части перед последним оплотом, заслужила общее удивление и преклонение. К ее остаткам, спасенным ее вождем, несутся отовсюду горячие выражения благодарности и глубокого уважения. Несмотря на смертельную усталость, после долгих месяцев почти нечеловеческих усилий, они и теперь готовы продолжать борьбу. Эта готовность облегчила ей отход на чужбину: она поддерживает среди невероятных лишений стойкость духа борцов за родину.

Однако же самое это настроение наиболее стойких моральных элементов спасенной армии возлагает особую ответственность

на тех, кто теперь, после стольких неудач, позовет ее на новые жертвы. Прежде всего, совершенно ясно, русская армия не должна быть употреблена на нерусское дело. Ее кровь не должна литься как кровь наемников. Точно так же армия русского народа не должна послужить орудием для восстановления старого порядка. Она не должна, наконец, помогать дальнейшему расчленению России. Совершенно верно, конечно, что с эвакуацией Крыма большевизм окончательно стал из внутренне-русской проблемы — проблемой интернациональной. Но, во-первых, только в случае исключительной и реальной опасности со стороны большевиков европейские государства сделают из этого практические выводы; а во-вторых, требуется сугубая осторожность, чтобы при этом новом виде вмешательства не переступить грани, за которой борьба против большевиков может превратиться в борьбу против России.

Все эти соображения оставляют мало вероятности, чтобы для эвакуированной армии мог немедленно представиться достойный случай применения ее сил. В ожидании, в силу уже международных правил, армия не может сохраниться на чужеземной нейтральной территории, как организованная боевая единица. Наши союзники сделали из этого правильный вывод, признав, что армия генерала Врангеля прекратила свое существование. Конечно, первой и главной задачей русских учреждений за границей является сохранение существования составляющих армию бойцов до лучшего будущего. Но все расчеты основать на сохранении хотя бы части армии, сохранение старых методов борьбы и старой организации власти — должны быть в настоящее время отброшены. Вооруженная сила, конечно, может понадобиться в дальнейшей борьбе с большевизмом; но это употребление должно быть поставлено, как частность, в зависимости от нового общего плана и никаким образом не должно стоять в преемственной связи с закончившимся периодом борьбы.

Первой чертой этого нового плана должно быть отделение военных сил и их командования от того политического сопровождения, в котором они неизбежно являлись. С этой *политической* стороной военной борьбы должно быть покончено навсегда. Рассчитывать на возможность улучшения политики военного командования, после стольких неудачных опытов, мы, очевидно, более не имеем права.

Второй чертой новой тактики должно явиться разрешение в определенном смысле ряда основных вопросов внутренней политики — как вопрос аграрный, национальный и вопрос о форме государственности. Эти вопросы партия до сих пор, ввиду их особой важности, считала необходимым оставить открытыми до решения Учредительного собрания. Это не значит, что группа отрицает право Учредительного

собрания принять или отвергнуть предлагаемые теперь решения. Но вопросы эти решила — или решает — сама жизнь. Оставление их открытыми *теперь* значило бы не столько уважение к правам народа, сколько отрицательное отношение к данным жизнью решениям. То или другое решение этих вопросов уже составляет политическую грань. Можно быть по ту или другую сторону грани. Но надо занять определенное место, чтобы страна знала, куда хотят ее вести.

Переход к современному решению аграрного вопроса в интересах крестьянства легче от старой программы партии народной свободы, чем от какой-либо другой. Удовлетворение новых требований отделившихся от большевистской России народностей вполне совместимо с общим духом партийной программы. Конечно, начало свободного соглашения вновь создавшихся государственных единиц должно быть рельефнее, чем прежде, выдвинуто вперед как метод, повелительно диктуемый жизнью. Наконец, вопрос о форме правления решен пунктом 13 партийной программы, и разногласия внутри партии по этому поводу должны значительно ослабеть после того политического употребления, которое пытались — быть может, еще попытаются — сделать из принципа монархии люди, которые ничего не забыли и ничему не научились.

Нужно твердо помнить, что внутри России, под жесткою шелухой большевистского насилия, произошел громадный психический сдвиг и сложилась за эти три года новая социальная структура. Выдвинулись новые слои и настроения, к которым надо отнестись чрезвычайно бережно, ибо в них залог нашего возрождения. Такой же сдвиг экономический и социальный произошел на наших глазах и во всем мире. В области аграрных отношений, во взаимоотношениях труда и капитала произошли такие глубокие изменения, которые предрекают, что и в Россию мы можем идти только с программой глубокой экономической и социальной реконструкции. Необходимость этой политики сознается теперь даже и правыми элементами. Но, вопреки их утверждениям, она должна делаться «левыми руками». На этот же путь зовет, наконец, и необходимость новой индустриализации России, отброшенной большевистским режимом далеко назад, в глубь средневекового земледельческого быта.

